

БОЛЬШАЯ  
КНИГА  
УЖАСОВ

Елена Усачева



**Юлечка**

**Проклятие  
Волчьей бухты**

БОЛЬШАЯ  
КНИГА  
УЖАСОВ

65



Москва  
2015

УДК 821.161.1-312.9-053.2  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
У74

Оформление серии *Натальи Никоновой*

**Усачева, Елена Александровна.**  
У74 Большая книга ужасов. 65 : [повести]. / Елена Усачева. — Москва : Эксмо, 2015. — 336 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-699-83330-6

*«Юлечка»*

Черноволосая, худая, хмурая — я вижу ее, словно наяву. Юлечку. Девушку, умершую где-то в этих местах. Почему-то я знаю, какой у Юлечки был характер, какую музыку она слушала... не знаю только, что ей от меня нужно. И почему именно от меня?! А Юлечка молчит. Ходит за мной по пятам, словно лучшая подружка, и там, где она появляется, происходят несчастья. Настоящие, живые ребята считают меня ведьмой. Ведь никто не видит мертвую девушку, только я. И мне нужно избавиться от Юлечки как можно скорее — пока не случилось что-то действительно страшное!

*«Проклятие Волчьей бухты»*

Что это за место? Аномальная зона, логово волка-оборотня, пристанище неуспокоенных душ? Или просто уединенная бухта, отлично подходящая для тренировок юных пловцов? В спортивном лагере все тайком бродят по ночам, все что-то скрывают... А однажды утром Маринка просто исчезла. Говорят, она уехала домой. Но Тамара догадывается: это неправда. Ведь она нашла дневник исчезнувшей девчонки...

УДК 821.161.1-312.9-053.2  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83330-6

© Усачева Е., 2015  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2015

**Юлечка**





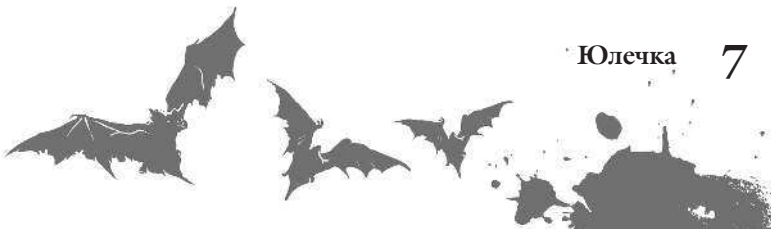


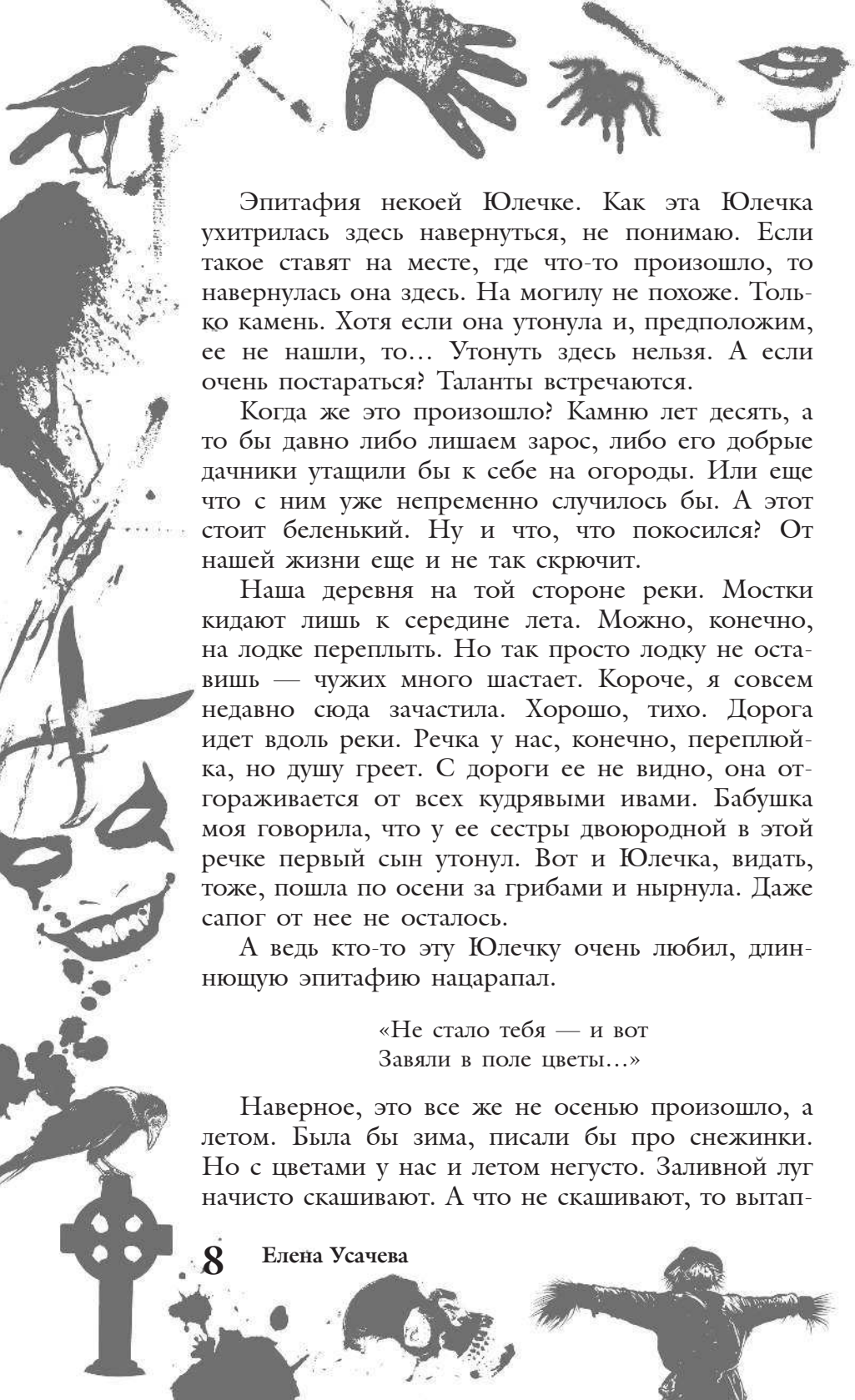
## Глава 1

# Танцуем от гробов

**Я** сижу на надгробном памятнике. Нет, это как-то по-другому должно называться. Вряд ли ее здесь похоронили. Хотя кто их знает, поэтов...

Место странное. Когда-то это было хорошим таким затоном. «Задремало зеркало затона» — это про нас. Вернее, про место. Река делает поворот, а тут низинка, после разлива вода остается, в дождливое лето так и вообще не уходит. Это потом все стало мельчать, высыхать. В болотце превратилось. Дальше глобальное потепление, леса погорели. Засуха. Река-то еще держится, а от затона и болота не осталось. Так, грязь одна, ивы, сиречь ракиты, нависают. По весне этот камень как из земли вылез. Торчит белесым пятном. Уже слегка покосился. Раньше из-за болота видно не было. Или камень в болото сразу ушел, а как все посохло, проявился? Чистенький, беленький, как новенький. Только вчера из магазина. На фоне слабой зелени и поникших трав хорошо проглядывается.





Эпитафия некоей Юлечке. Как эта Юлечка ухитрилась здесь навернуться, не понимаю. Если такое ставят на месте, где что-то произошло, то навернулась она здесь. На могилу не похоже. Только камень. Хотя если она утонула и, предположим, ее не нашли, то... Утонуть здесь нельзя. А если очень постараться? Таланты встречаются.


Когда же это произошло? Камню лет десять, а то бы давно либо лишаем зарос, либо его добрые дачники утащили бы к себе на огороды. Или еще что с ним уже непременно случилось бы. А этот стоит беленький. Ну и что, что покосился? От нашей жизни еще и не так скрючит.

Наша деревня на той стороне реки. Мостки кидают лишь к середине лета. Можно, конечно, на лодке переплыть. Но так просто лодку не оставишь — чужих много шастает. Короче, я совсем недавно сюда зачастила. Хорошо, тихо. Дорога идет вдоль реки. Речка у нас, конечно, переплюйка, но душу греет. С дороги ее не видно, она отгораживается от всех кудрявыми ивами. Бабушка моя говорила, что у ее сестры двоюродной в этой речке первый сын утонул. Вот и Юлечка, видать, тоже, пошла по осени за грибами и нырнула. Даже сапог от нее не осталось.

А ведь кто-то эту Юлечку очень любил, длинную эпитафию нацарапал.

«Не стало тебя — и вот  
Завяли в поле цветы...»

Наверное, это все же не осенью произошло, а летом. Была бы зима, писали бы про снежинки. Но с цветами у нас и летом негусто. Заливной луг начисто скашивают. А что не скашивают, то вытап-



тывает колхозное стадо. Коровы, парное молоко, здоровье, витамины, все дела. За лугом который год сеют кукурузу. И никакой романтики. Только Юлечка спасает. Я сижу на камне и пытаюсь представить, как она выглядит.

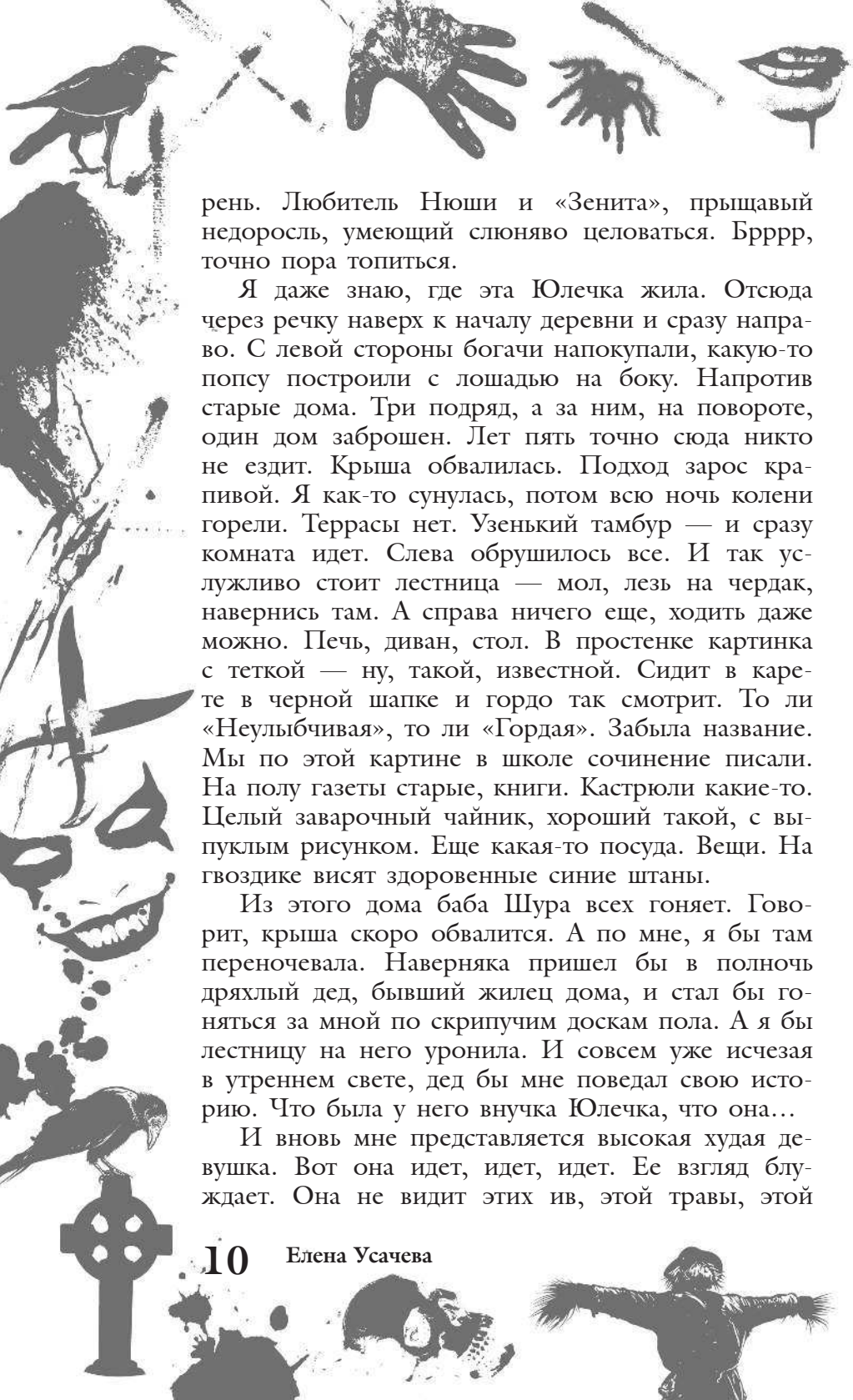
В бессмертном стихе сказано:

«И крошечная душа  
Тучей в тьму отошла».

Я настойчиво гоню от себя мысль, что это был совсем уж ребенок. Трехлетний карапуз пошел в затон ручки помыть, наклонился, не удержался и булькнул. Это было бы совсем неинтересно. Матери по шапке дать надо. А потому придумываю я другую историю. Мне представляется девчонка лет пятнадцати, высокая, худая, даже как будто чересчур худая. С тонкими-тонкими ногами, одетая в черное. Кофта с капюшоном. Она еще руки всегда должна держать в карманах. И наушники. Черный провод болтается. Лицо узкое, волосы... волосы... Пускай будут черные. Сказано же — «тучей». А туча, хорошая такая, с грозой — она темная. Вот и Юлечка темненькая, молчаливая. О чем ни спросят — угукает или хмыкает.

Я вижу, как она идет. Черный изломанный силуэт. В уши долбит что-нибудь заунывное... с виолончелью. Беспросветность проникает в мозг, пропитывает кости, мешает дышать. Юлечка шагает и шагает в черных сапожках по дороге. Джинсы по колено мокрые, потому что мост опять снесло сильным течением или половодьем после ливня и она через брод сюда попала. И там, в деревне... Кого она там оставила? Кто мог написать такой идиотский стих? Пускай будет какой-нибудь па-



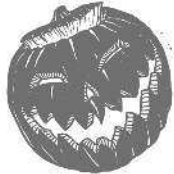


рень. Любитель Ньюши и «Зенита», прыщавый недоросль, умеющий слюняво целоваться. Брррр, точно пора топиться.

Я даже знаю, где эта Юлечка жила. Отсюда через речку наверх к началу деревни и сразу направо. С левой стороны богачи напокупали, какую-то попсу построили с лошадьёю на боку. Напротив старые дома. Три подряд, а за ним, на повороте, один дом заброшен. Лет пять точно сюда никто не ездит. Крыша обвалилась. Подход зарос крапивой. Я как-то сунулась, потом всю ночь колени горели. Террасы нет. Узенький тамбур — и сразу комната идет. Слева обрушилось все. И так услужливо стоит лестница — мол, лезь на чердак, навернись там. А справа ничего еще, ходить даже можно. Печь, диван, стол. В простенке картинка с теткой — ну, такой, известной. Сидит в карете в черной шапке и гордо так смотрит. То ли «Неулыбчивая», то ли «Гордая». Забыла название. Мы по этой картине в школе сочинение писали. На полу газеты старые, книги. Кастрюли какие-то. Целый заварочный чайник, хороший такой, с выпуклым рисунком. Еще какая-то посуда. Вещи. На гвоздике висят здоровенные синие штаны.

Из этого дома баба Шура всех гоняет. Говорит, крыша скоро обвалится. А по мне, я бы там переночевала. Наверняка пришел бы в полночь дряхлый дед, бывший жилец дома, и стал бы гоняться за мной по скрипучим доскам пола. А я бы лестницу на него уронила. И совсем уже исчезая в утреннем свете, дед бы мне поведал свою историю. Что была у него внучка Юлечка, что она...

И вновь мне представляется высокая худая девушка. Вот она идет, идет, идет. Ее взгляд блуждает. Она не видит этих ив, этой травы, этой



вытоптанной коровами дороги. Над головой ее печально курлыкают пролетающие аисты. Их здесь много, аистов. За два дома от нас на дереве свили гнездо, теперь летают, на лугу вышагивают, переставляют свои ноги-циркули.

Я ерзаю на камне и вспоминаю, что бросила свою Юлечку идущей мимо ракиты. Вот она идет, идет, слушает что-то там, например Моррисона слушает или Леннона. А скорее всего, что-нибудь симфоническое, с виолончелью. И вот когда уже мозг взорвался от музыки, от беспросветности, от тоски, Юлечка доходит до затона и плашмя падает в воду.

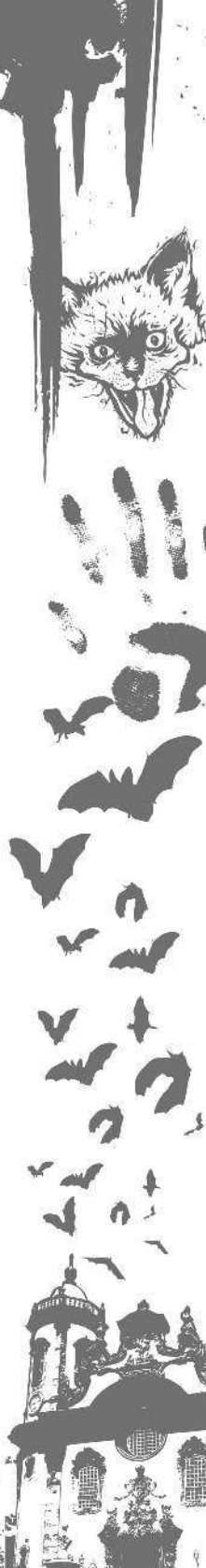
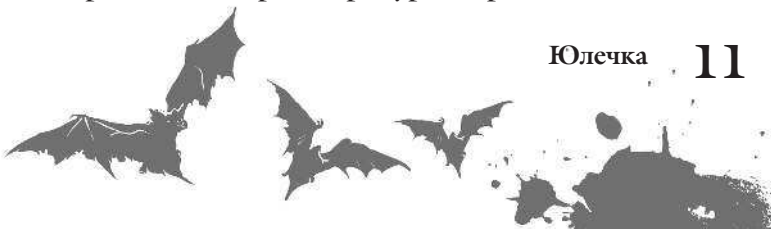
Я оглядываюсь. Грязюка, и никакой воды. Юлечка падает, летят брызги и... ничего. С ног до головы грязная, с испорченными наушниками она ковыляет домой.

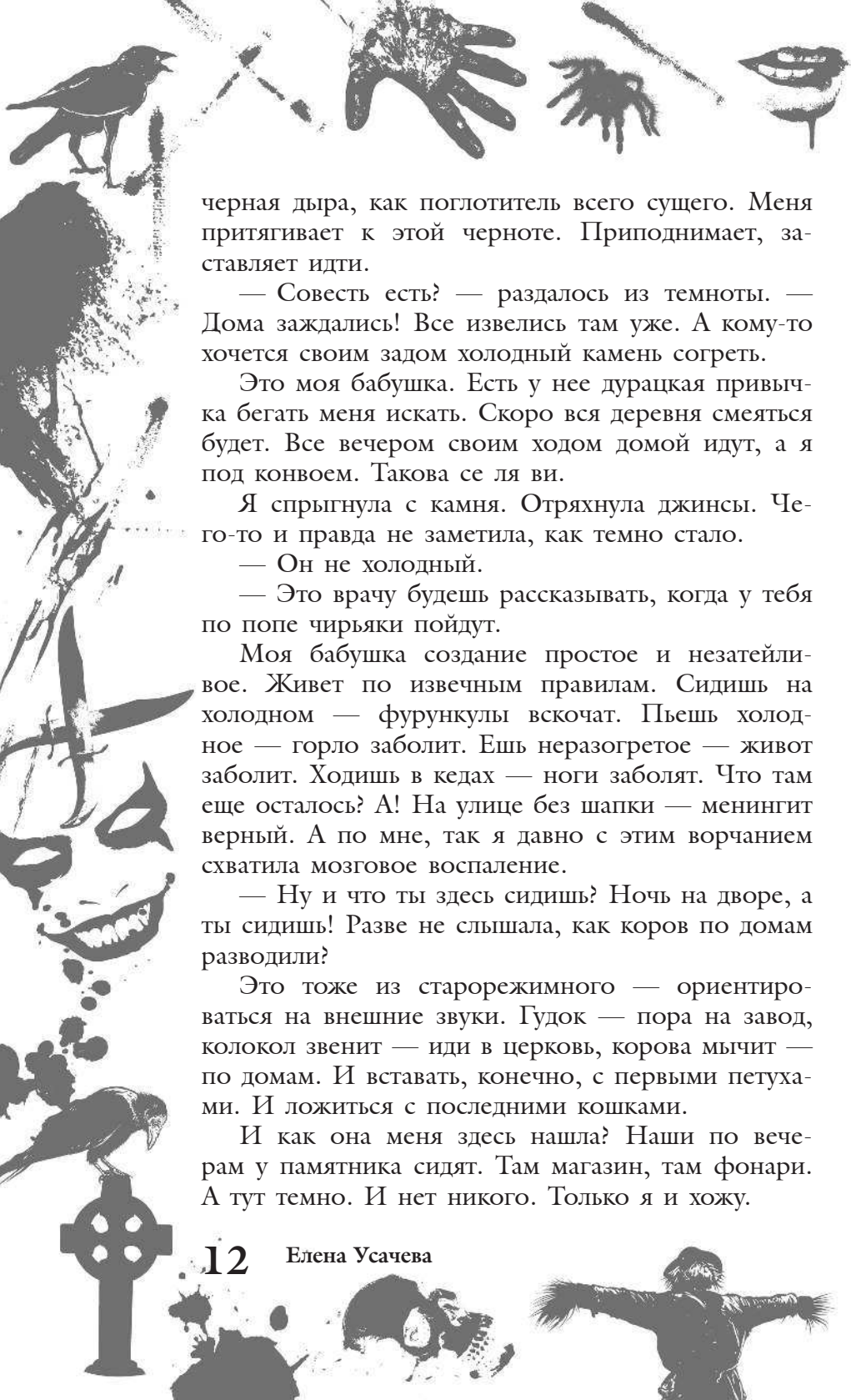
Потому что в нашей речке ну никак нельзя утонуть. Тем более в этом месте. Эту Юлечку либо собаки загрызли, либо инопланетяне тарелкой задавили. Еще она могла с елки упасть. Ведь сказано, что она над миром «тучей в тьму отошла, с приветом друзьям помахав». Взмахнула она эдак руками — и вниз. А потом, значит, друзья набежали и давай рыдать, коллективно составляя эпическое послание. Значит, «с приветом друзьям помахав, в бездну навеки ушла». Точно, с елки. Три раза.

И снова передо мной стоит не улыбочивая сосредоточенная девчонка. Из наушников выбивается виолончель (и чего я к ней привязалась?), взгляд уперся в белый камень.

«Юлечка, ты в наших сердцах».

Серые сумерки сглаживают цвета, все делают однотонным. Белый камень полыхает в темноте как факел. И черная фигура передо мной — как





черная дыра, как поглотитель всего сущего. Меня притягивает к этой черноте. Приподнимает, заставляет идти.

— Совесть есть? — раздалось из темноты. — Дома заждались! Все извелись там уже. А кому-то хочется своим задом холодный камень согреть.

Это моя бабушка. Есть у нее дурацкая привычка бегать меня искать. Скоро вся деревня смеяться будет. Все вечером своим ходом домой идут, а я под конвоем. Такова се ля ви.

Я спрыгнула с камня. Отряхнула джинсы. Чего-то и правда не заметила, как темно стало.

— Он не холодный.

— Это врачу будешь рассказывать, когда у тебя по попе чирьяки пойдут.

Моя бабушка создание простое и незатейливое. Живет по извечным правилам. Сидишь на холодном — фурункулы вскочат. Пьешь холодное — горло заболит. Ешь не разогретое — живот заболит. Ходишь в кедах — ноги заболят. Что там еще осталось? А! На улице без шапки — менингит верный. А по мне, так я давно с этим ворчанием схватила мозговое воспаление.

— Ну и что ты здесь сидишь? Ночь на дворе, а ты сидишь! Разве не слышала, как коров по домам разводили?

Это тоже из старорежимного — ориентироваться на внешние звуки. Гудок — пора на завод, колокол звенит — иди в церковь, корова мычит — по домам. И вставать, конечно, с первыми петухами. И ложиться с последними кошками.

И как она меня здесь нашла? Наши по вечерам у памятника сидят. Там магазин, там фонари. А тут темно. И нет никого. Только я и хожу.



— Вставай, вставай! — ворчит бабушка. — Примерзла уже к этому камню. Прямо приворожили тебя. Сидеть больше негде. Как проклятие какое. То на речке пропадаешь, то к затону бегаешь.словно одного человека, лежащего здесь, недостаточно. Ходишь и ходишь, ходишь и ходишь.

Хочется спросить, знает ли она эту Юлечку, но лень.

Поднимается легкий ветерок. Шуршат ивы. В темноте кажется, что что-то большое переваливается в кроне деревьев, трещит ветками. Такая здоровая черная клякса, с множеством ножек. От ветра она начинает стекать вниз, капать на землю, чавкает под ногами, хватается за лодыжки, утягивает под землю.

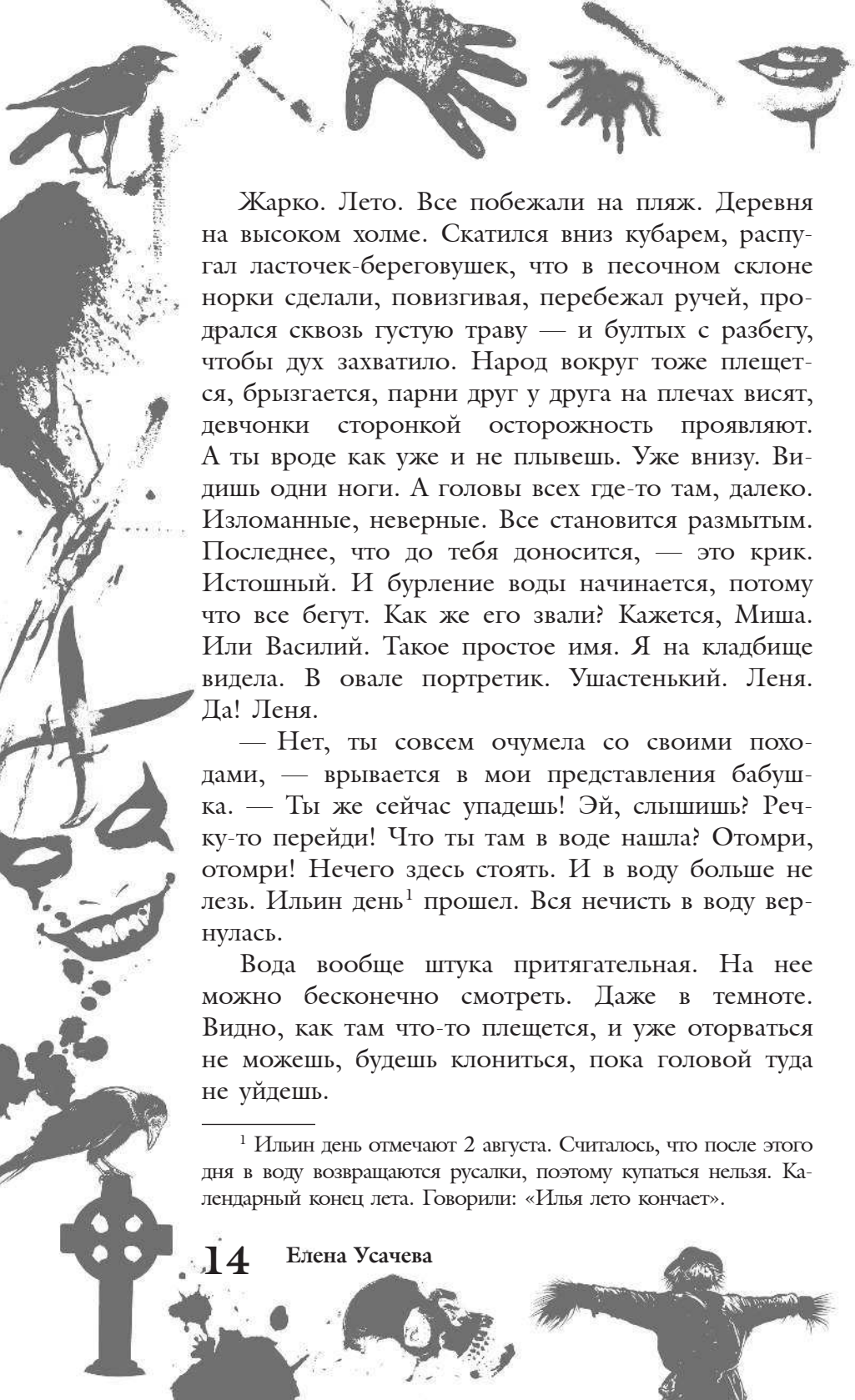
Бабушка заставляет идти. У меня очень убедительная бабушка, кого хочешь заговорит. Не хочешь, а делаешь.

— Проснись уже, — толкает меня в плечо бабушка, и приходится шагать быстрее. — Я говорю, говорю, а ты не слышишь! Добром-то это не кончится. Ну ничего, вот мать-то приедет... Ты хоть под ноги смотри. Идешь качаешься. Замерзла?

С чего мне замерзнуть летом? Пускай и в августе. Просто речка. Она журчит, заставляет смотреть на себя, представлять. Например, утопленников.

Мостки скрипят. Вокруг столбиков бурлит река. Здесь неглубоко, поэтому река разгоняется, стаскивает с берега песок, кидает его на сползшее в русло дерево. Вода плещется, зовет. Как же этого парня звали? Родственника. Который утонул. Лет двенадцать ему уже было. Я могу представить, как это случилось.





Жарко. Лето. Все побежали на пляж. Деревня на высоком холме. Скатился вниз кубарем, распугал ласточек-береговушек, что в песочном склоне норки сделали, повизгивая, перебежал ручей, продрался сквозь густую траву — и бултых с разбегу, чтобы дух захватило. Народ вокруг тоже плещется, брызгается, парни друг у друга на плечах висят, девочки сторонкой осторожность проявляют. А ты вроде как уже и не плывешь. Уже внизу. Видишь одни ноги. А головы всех где-то там, далеко. Изломанные, неверные. Все становится размытым. Последнее, что до тебя доносится, — это крик. Истощенный. И бурление воды начинается, потому что все бегут. Как же его звали? Кажется, Миша. Или Василий. Такое простое имя. Я на кладбище видела. В овале портретик. Ушастенький. Леня. Да! Леня.

— Нет, ты совсем очумела со своими походами, — врывается в мои представления бабушка. — Ты же сейчас упадешь! Эй, слышишь? Речку-то перейди! Что ты там в воде нашла? Отомри, отомри! Нечего здесь стоять. И в воду больше не лезь. Ильин день<sup>1</sup> прошел. Вся нечисть в воду вернулась.

Вода вообще штука притягательная. На нее можно бесконечно смотреть. Даже в темноте. Видно, как там что-то плещется, и уже оторваться не можешь, будешь клониться, пока головой туда не уйдешь.

<sup>1</sup> Ильин день отмечают 2 августа. Считалось, что после этого дня в воду возвращаются русалки, поэтому купаться нельзя. Календарный конец лета. Говорили: «Илья лето кончает».



— Не стой, не стой, иди, — зудит бабушка. — Это все суседок<sup>1</sup> тебя тревожит. Нечего по ночам шастать. Растеребил, растревожил. Да и водяной шут<sup>2</sup> тоже хорош. На речку чтобы больше не ходила. Поняла? Шурка верно говорит: сглазили тебя, дурное что наслали, иначе не сидела бы на этом камне. Надо тебя в церковь сводить да к бабке-шепталке.

О! Вот это мне нравится больше всего. Двадцать первый век, а они чуть что — в церковь. Но при этом все валят на домового и лешего. Как же у них домовые с церковью в голове укладываются? Да еще бабка-шептунья. Я даже знаю, где они ее найдут. От нашей деревни туда, вдоль реки, километров пять, большое такое село. Гостешево. Там была когда-то церковь. Огромная, с высоченной колокольней, с широким основательным куполом. Умели люди жить. И принадлежало это все княгине Дашковой. Той самой, что подругой Екатерине Великой была. Ее сюда, бедную, сослали, в село Троицкое. Она все чинно сделала — усадьбу забабахала, театр, мельницу и церковь. Все это потом развалилось. Церкви тоже позакрывались. У нас вот в Троицком восстановили. Потому что в той церкви княгиню и похоронили. Могилу нашли, новую табличку повесили, а заодно и церковь отреставрировали. А в Гостешево не восстанавливали долго. Она до сих пор стоит — стены обтерханные, на крыше растет рябинка. Алые ягоды полыхают на фоне проржавевшей маковки. Внутри там не была — на двери замок. Наверное, служба какая-то там проходит. Есть даже община и акти-

<sup>1</sup> Домовой.

<sup>2</sup> Водяной.

